

«ШОКИРУЮЩИЕ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ И ПРАВИЛО О НЕСПРАВЕДЛИВОМ ПРЕДУБЕЖДЕНИИ

Одним из самых значительных шагов по преобразованию уголовно-процессуального производства России в конце XX столетия стало возрождение суда присяжных. Несмотря на некоторое замедление хода судебно-правовой реформы, на фактическое ограничение юрисдикции суда присяжных только девятью регионами, с этой формой судопроизводства, ставшей эталоном состязательного процесса, Россия входит в новое тысячелетие. В связи с этим проблемы производства в суде присяжных приобрели особую актуальность как в теории уголовного процесса, так и на практике.

Одна из таких проблем связана с исследованием в суде присяжных «шокирующих» доказательств, которые объективно, по своей природе, вне зависимости от доказательственной ценности способны оказать на присяжных чрезвычайно сильное психологическое воздействие.

К таким доказательствам можно отнести прилагаемые к протоколам осмотра наиболее шокирующие фотографии трупов (в стадии разложения, со следами повреждений), места совершения преступления (со следами этого преступления, например кровью); некоторые орудия преступления; видео- и аудиозаписи; иные вещественные доказательства. «Шокирующие» доказательства могут оказать на «судей факта» негативное воздействие двоякого рода: 1) способствовать возникновению сильных отрицательных эмоций в отношении подсудимого, что может повлечь предубеждение присяжных в его виновности; 2) шокировать присяжных, вызвать стресс, потрясение у «судей факта», что негативно скажется на восприятии ими остальных доказательств по делу.

Проблема исследования «шокирующих» доказательств в суде присяжных возникла уже на одном из первых процессов при разбирательстве в Московском областном суде дела Слончакова и Черникова. Подобные ситуации возникали и впоследствии.

* Старший преподаватель МГЮА, кандидат юридических наук.

Учитывая указанные свойства, С. А. Пашин назвал их «шокирующими сведениями»¹.

Следует отметить, что проблема исследования таких доказательств в суде присяжных существует и в англо-американской модели этой формы судопроизводства, где такие доказательства именуются inflammatory evidence («зажигающие», «шокирующие» доказательства). В силу Правила 403 Федеральных правил о доказательствах для судов США и магистратов «относимое доказательство может быть исключено, если его доказательственная ценность значительно перевешивается опасностью несправедливого предубеждения...». Англо-американская теория уголовного процесса в принципе не признает шокирующими доказательствами орудия преступления («вещественные доказательства... такие, как пистолеты, пули, ножи, являются допустимыми»). В то же время практически всегда такими доказательствами признаются «утробные плоды, отрезанные пальцы, отрезанные уши или иные виды доказательств, которые могут шокировать, или взволновать присяжных, или вызвать эффект предубеждения».

В работе Шлосса содержится следующий пример применения на практике этого правила. «По делу об убийстве К. атторней обвинения попытался представить присяжным на обозрение фотографии ран... Суд отклонил данные фотографии, так как они слишком «окровавлены» (gory) и могут разжечь страсти присяжных (inflamm the passion), вследствие чего присяжные не смогут беспристрастно вынести вердикт по делу»².

Наличие в материалах уголовного дела «шокирующих» доказательств всегда создает проблемную ситуацию на практике, поскольку УПК РСФСР не содержит никаких норм, устанавливающих особый порядок их исследования, либо специальных оснований для их исключения.

Этот пробел закона восполняется обыкновениями судебной практики, анализ которой позволяет выделить определенные подходы к решению рассматриваемой проблемы.

¹ См.: Пашин С. А. Доказательства в российском уголовном процессе // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий. М., 1996. Вып. 1, ч. 2. С. 386.

² Schloss J. D. Evidence and its legal aspects. Columbus/Merril., 1967. P. 58.

Первый подход – сокращение пределов судебного следствия путем исключения из разбирательства этих доказательств – отражен в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г.: «Установив, что исследование того или иного доказательства может повлиять на объективность и беспристрастие присяжных заседателей, председательствующий в соответствии со ст. 243 УПК РСФСР вправе устранить такое доказательство из судебного разбирательства с обязательным приведением в постановлении мотивов принятого решения»³.

Этот подход в какой-то степени позволил разрешить возникающие на практике затруднения, однако сразу же породил не менее актуальную теоретическую проблему определения *оснований*, в соответствии с которыми «шокирующие» доказательства должны исключаться из материалов дела.

По этому вопросу в литературе высказаны различные точки зрения. По мнению одной группы авторов, указанные доказательства должны исключаться из пределов судебного следствия как неотносимые⁴. Данная позиция основана на приведенном выше разъяснении Пленума, согласно которому судья должен «устранять» такие доказательства из разбирательства в соответствии со ст. 243 УПК РСФСР по причине их неотносимости, поскольку именно в этой статье закреплена обязанность судьи устранять «из судебного разбирательства все не имеющее отношения к делу».

Данная позиция разделяется многими судьями, участвующими в разбирательстве дел судом присяжных, а по некоторым делам и Кассационной палатой Верховного Суда РФ. Так, при рассмотрении дела С. и Ч. в Мособлсуде прокурор заявил ходатайство о предъявлении присяжным для осмотра фотографии трупа К. Судья отклонила это ходатайство, сочтя указанные доказательства неотносимыми. Государственный обвинитель в кассационном протесте сослался на этот отказ, указав, что он лишил «присяжных возможности участвовать в исследовании всех доказательств, рассматриваемых в суде». Кассационная палата Верховного Суда РФ оставила эту часть протеста без удовлетворения, так как «фотографии трупа Кулагина не содержат

³ См.: Бюлл. Верховн. Суда РФ. 1995. № 3.

⁴ См., напр.: Воскресенский В. Проблемы доказывания обвинения//Росс. юстиция. 1995. № 4. С. 4.

какой-либо доказательственной информации, в том числе о предметах, с помощью которых мог быть лишен жизни Кулагин (петля, шнурок, веревка), и о следах воздействия этих предметов, что не оспаривается и в протесте»⁵.

Не отрицая правильности данного подхода в отдельных случаях, когда «шокирующие» доказательства действительно являются неотносимыми, вряд ли можно согласиться с утверждением об их неотносимости в целом (в контексте традиционного понимания термина «относимость»). Так, даже в приведенном примере фотография трупа К. являлась одним из доказательств его смерти, т. е. использовалась для установления обстоятельства, прямо входящего в предмет доказывания⁶. Очевидно, что это доказательство по смыслу ст. 68, 69 УПК РСФСР является относимым, несмотря даже на то, что на данных фотографиях не зафиксированы следы воздействия предметов, с помощью которых К. был лишен жизни.

Иной подход к решению данной проблемы предложен Е.П. Гришиной, по мнению которой доказательства, «шокирующие» присяжных заседателей, следует исключать из пределов судебного следствия, поскольку они не соответствуют критерию достоверности.

Не оспаривая данной позиции применительно к действительно недостоверным «шокирующим» доказательствам, мы полагаем, что недостоверность не может быть общим основанием для исключения любых доказательств, способных оказать на присяжных негативное психическое воздействие, так как они могут полностью соответствовать критерию достоверности. Слабой стороной данной позиции является и неучет того, что оценка достоверности доказательств в суде присяжных входит в компетенцию «судей факта», а не профессионального судьи (по крайней мере до вынесения вердикта).

По мнению еще одной группы авторов (П. А. Лупинская, Л. Б. Алексеева, В. В. Золотых), эти доказательства могут быть исключены по мотиву их недопустимости. «Недопустимым считается и то доказательство, которое получено в надлежащей процедуре, но содержащаяся в нем информация не должна доводиться до сведения присяж-

⁵ См.: Бюлл. Верхов. Суда РФ. 1994. № 5. С. 10.

⁶ Это доказательство относится к компетенции присяжных, поскольку «судьи факта» отвечают на вопрос о доказанности события преступления, а в этот комплекс обстоятельств входит и факт смерти потерпевшего К.

ных»⁷. П. А. Лупинская указывает в связи с этим на тесную связь условий допустимости доказательств с нравственными началами судопроизводства, вследствие чего «в ряде случаев именно нравственные принципы выступают критерием допустимости доказательств»⁸.

В. В. Золотых относит исключение «шокирующих» доказательств к шестому правилу допустимости доказательств – правилу о несправедливом предубеждении, которое он формулирует следующим образом: «Доказательственную силу проверяемого доказательства не должна существенно превышать опасность несправедливого предубеждения»⁹.

Мы полагаем, что действующее законодательство не содержит запрета на исследование с участием присяжных «шокирующих» доказательств. При условии соблюдения процедуры их собирания указанные доказательства не могут быть исключены как недопустимые, поскольку не получены с нарушением закона.

Таким образом, если «шокирующие» доказательства не являются недопустимыми, неотносимыми или недостоверными, они не могут быть устранены из судебного разбирательства по этим основаниям.

Что же в таком случае может быть основанием исключения этих доказательств из материалов дела?

Анализ действующего законодательства, судебной практики приводит нас к выводу, что таким основанием должна быть все-таки *неотнoсимость* этих доказательств, понимаемая, однако, с учетом специфики суда присяжных (не в традиционном смысле). Для такого понимания относимости доказательств в суде присяжных, на наш взгляд, следует предположить существование особого свойства доказательств, которое им приобретается в суде присяжных, – психологической «допустимости»¹⁰. *Психологическая допустимость* – свой-

⁷ Алексеева Л. Б. Судебное следствие. Прения сторон. Возвращение дела на дополнительное расследование со стадии судебного разбирательства//Рассмотрение дел судом присяжных. Варшава, 1997. С. 149 – 150.

⁸ Лупинская П. А. Проблемы допустимости доказательств при рассмотрении дел судом присяжных//Там же. С. 95.

⁹ Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. М., 1999. С. 221.

¹⁰ Концепция психологической (нравственной) допустимости была обоснована А. Ф. Кони в его работе «Нравственные начала в уголовном процессе».

ство доказательства не оказывать возможного негативного психического воздействия на присяжных заседателей. В отличие от остальных признаков доказательства это свойство условное и субсидиарное, его отсутствие само по себе не должно влечь исключение доказательства из материалов дела. Это свойство доказательства оказывает сильное воздействие на его относимость. Представляется, что в суде присяжных под влиянием действия данного критерия оценка относимости разбивается на два этапа. Первоначальная оценка относимости доказательства производится традиционным способом, т. е. определяется значение для разрешения дела тех обстоятельств, которые устанавливаются этим доказательством. Окончательная оценка относимости должна осуществляться путем сопоставления доказательственного значения этих фактических данных с установленной опасностью негативного воздействия их исследования на присяжных. И если эта опасность перевешивает доказательственную ценность таких сведений, т. е. как бы аннулирует ее, это делает данное доказательство неотносимым и подлежащим исключению из материалов дела именно по указанному основанию.

Следует отметить, что в отдельных случаях судебная практика уже использует такой подход, несмотря на отсутствие законодательного закрепления этого основания. Так, при разбирательстве дела П. и Ф. в Ростовском областном суде судья отклонил ходатайство государственного обвинителя об ознакомлении присяжных с фотографиями трупа потерпевшего, «поскольку доказательственную значимость этих фотографий существенно превышает опасность психологического воздействия на присяжных заседателей при вынесении ими вердикта»¹¹, т. е. в данных условиях эти фотографии утрачивают доказательственную значимость, становятся неотносимыми.

Закрепление в новом УПК РФ особенностей исследования «шокирующих» доказательств и оснований их исключения из мате-

Мерилом допустимости по этой концепции является критерий нравственности независимо от формального запрета или разрешения закона. Разделяя точку зрения Кони о важности учета нравственных аспектов, мы полагаем, что этот критерий может быть использован только для оценки нарушений процессуальной формы, но самостоятельного значения иметь не может.

¹¹ Летопись суда присяжных (прецеденты и факты)//Росс. юстиция. 1995. № 2. С. 6.

риалов дела, подлежащих исследованию с участием присяжных заседателей, устранит затруднения, возникающие на практике.

И. Л. ПЕТРУХИН*

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ – ОСНОВА ПРАВОСУДИЯ

Состязательность – это такое построение судебного разбирательства, в котором обвинение отделено от суда, обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а функция суда состоит в разрешении дела. При этом весь процесс выглядит как полемика сторон, защищающих свои законные интересы.

Противники состязательности выдвигают против нее следующие доводы: 1) состязательный процесс выглядит как ожесточенный бой, где побеждает сильный, а не правый, богатый, а не бедный; 2) у сторон и суда одна общая цель – достижение истины, поэтому нет почвы для состязания; 3) состязательность несовместима с активной ролью суда в исследовании доказательств и установлении истины, т. е. с принципом публичности; 4) прокурор и защитник не равны, прокурор – не обвинитель, а орган надзора за законностью; 5) состязательность не распространяется на стадию предварительного расследования, на кассационное и на надзорное производство¹.

Эти соображения не убеждают.

1. Состязательность – это действительно правовое сражение, бой квалифицированных юристов, рассматривающих одно и то же событие под разными углами зрения. Именно такой интеллектуальный поединок позволяет суду составить правильное представление о существе дела, установить истину. Действительно, есть опасность, что богатого человека будет представлять более сильный юрист. Но с этим можно бороться путем введения бесплатной квалифицирован-

* Заведующий сектором ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор.

¹ См.: Басков В. И. Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1980. С. 23 – 33; Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997. С. 208; Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 75.